

ОДЕССКАЯ оперетта играет сейчас в Москве — на Пушкинской улице, в помещении оперетты московской. Для этих стен ничего не изменилось: музыка того же типа, тот же стиль пения, те же быстрые, мимолетные диалоги. Но одесский главреж Ошеровский с гордостью передает мне слова московских капельдинеров:

— К вам ходит другая публика.

Наблюдения билетеров излагаются весьма туманно и научного (социологического) значения не имеют. Все равно приходят любители этого жанра, а не те, кто к нему равнодушен. Разница, наверное, не в социальном составе, а в настроении: оно более праздничное, более «предвкушающее», а вместе с тем это настроение победного финиша: удалось достать билет. Одесская оперетта — это марка.

— В общем, идут на вашу репутацию?

— На репутацию. — подтверждает Ошеровский.

— И на Водяного?

— И на Водяного.

Можно сказать, что народный артист СССР Михаил Водяной сейчас самый знаменитый опереточный актер в стране, если иметь в виду не просто известность, популярность и любовь зрителей (известных и любимых артистов в оперетте немало), а тот оттенок легендарности, который раньше сопутствовал славе, скажем, Ярона или Аникеева, Регины Лазаревой или Клавдии Новиковой. Теперь нет такой славы. В этом

данной в оперетту «Кому улыбаются звезды». Над Галушкой смеются, но чисто комический персонаж там другой — снабженец Долгоносик.

— Так все и думали, — говорит режиссер М. Ошеровский, — что Водяной должен играть Долгоносика. Но мы с ним поняли, что такие роли для него пройденный этап. И вот пожалуйста — он создал настоящий характер, хотя остался собой, и выходит почти без грима, и поет куплеты «У курсе дела»...

Такие мы ведем тут серьезные разговоры о любимце публики.

И такими путями оперетта преодолевает свою устаревшую и пресноватую «бравурность» — присматривается к новым характерам, к новой музыке и фактически к новому жанру.

Все это прекрасно. Но где же сияние славы, где слова, созвучные необыкновенной судьбе, почему в рассказе о Водяном нет той праздничности, с которой приходят зрители на эти одесские спектакли?

Потому что Михаил Водяной — человек театральных будней. Его родной причал — тесные закулисные коридорчики, маленькие актерские уборные, где надо успеть переодеться, отдышаться и еще пройти с пианисткой куплеты к предстоящему концерту; его жизнь — это очень простая жизнь, и в ней гораздо меньше блестящих моментов, чем в жизни многих его зрителей. Феерические очерки об актерах — о людях, которые устали на своей работе как мало кто еще, — вообще кажутся мне не очень правдоподобными, но, может, в других случаях это так и надо, а о Водяном так писать бессмысленно: и его талант, и его неотразимое обаяние, и его суждения об искусстве — все это укладывается в его, прошу простить невольный прозаизм, служебную характеристику. «У меня нет более дисциплинированного актера», — говорит о нем Ошеровский. Он мог бы добавить, что у

МИХАИЛ ВОДЯНОЙ У РОДНОГО ПРИЧАЛА

смысле оперетту вытеснила, с одной стороны, эстрада, а с другой — новые актерские и режиссерские имена в драме. Но дуэт Михаила Водяного и Маргариты Деминой делает полные сборы во дворцах спорта, а о Водяном «известно» также и то, чего нет в действительности. Это и есть легенда.

— Я сам слышал самодельные пластинки, на которых «Водяной поет одесские песни». А это и пою не я, и песни не одесские, а просто какая-то пошлятина, — говорит Михаил Григорьевич. — Кстати, я ведь и не одессит и действительно мало знаю одесский фольклор, даже хороший.

Мы разговаривали за кулисами во время спектакля «У родного причала» (оперетта В. Соловьева-Седого, постановка М. Ошеровского, спектакль выдвинут на Государственную премию СССР). Водяной гримировался, одевался, рассказывал, потом шел на сцену, играл Гаркушу, капитана славного буксира «Ураган», возвращался в свою актерскую уборную, переодевался, проходил с пианисткой дуэт из «Хэлло, Долли!» для предстоящего концерта, и снова рассказывал, и снова шел на сцену, превращаясь там из спокойного, деловитого собеседника в натурального, не вызывающего сомнений «роскошного» моряка-одессита.

Он родился в Харькове, а вырос в Ашхабаде и Кисловодске. В детском драмкружке при ашхабадском клубе «Динамо» играл в «Хижине дяди Тома» (сезон 1936/37 года) — сейчас он помнит не столько спектакль, сколько одну девочку, которая не явилась в назначенный час из-за того, что поставила своей собаке банки и была за то наказана родителями. В 1940 году в Кисловодске Миша Водяной занимал почетное положение на школьной сцене, играя Барона в «На дне» (спившийся аристократ все время снимал и натягивал рваные перчатки, взятые исполнителем у мамы) и Подколесина в «Женитьбе», а в 1944 году Михаил Водяной — уже актер театра оперетты на Кавказских Минеральных Водах. Потом он уехал во Львов.

ВАШИ ЗНАМЕНИТЫЕ ЗНАКОМЫЕ

И все. Здесь кончаются путешествия Михаила Водяного. Двадцать пять лет работает он все в той же труппе, переведенной в 1954 году из Львова в Одессу. Так он стал одесситом. А уж потом Одесса «присвоила» Водяного, сделала его выразителем своего юмора и своего стиля и не только оценила его обаяние, но и передала ему свое. Так что Водяной и рад своей репутации одесского комика, и, как мы видели, иногда страдает от нее.

— Да и что значит комик? Я не признаю этих рамок. Когда мне в оперетте Фельцмана «Дочь фельд-маршала» дали роль Павла I, я не для того просидел месяц в библиотеке Львовского университета, чтобы сыграть одной комической ролью больше. Я хотел сыграть именно Павла, который был фигурой скорее трагикомической. А это как раз то, что мне особенно близко как актеру, — в каждой роли я стараюсь найти трагикомедию, это для меня самое большое счастье. Поэтому мне так дорого теперешнее направление нашего Одесского театра: все чаще попадают многоплановые роли, непростые характеры, живые люди, которые не укладываются в старые опереточные амплуа. Кто такой Дулитл из «Моей прекрасной леди»? Не опереточный персонаж, а переложенный для музыкального театра образ, сочиненный Бернардом Шоу: настоящая литература, большая драматургия. Или Галушка...

Галушка — председатель колхоза «Тихая жизнь» из комедии Корнейчука «В степях Украины», переде-

него нет и менее шикарного актера, менее «актеристого», менее бросающегося в глаза. Лучший актер театра — это и его лучший служащий, самый примерный член профсоюза.

Где «тайна творчества»? Не знаю. Ошеровский говорит, что если выход Водяного не подать режиссерскими средствами, то сам он никак своего персонажа из толпы других действующих лиц выделить не сможет. У него почти нет трюков, нажима, броскости, вокруг своей актерской задачи он не накручивает никакого орнамента, и своего максимально возможного в современном опереточном театре успеха он достигает минимальными средствами. Конечно, на него работает его известность, его смотрят и слушают особо внимательно и отзывчиво, но ведь он всегда был такой, а может быть, этой артистической беззаботностью, этой своею склонностью лучше «недоиграть», чем «переиграть», он как раз свою славу и заслужил.

А может, и нет. Пусть уж гайна Водяного остается тайной, так интереснее. Но что эта его манера делает его не только самым симпатичным актером нынешней оперетты, но и самым нужным для ее будущего, — не важно, для мюзикла, музыкальной комедии или музыкальной драмы, — вот это уж точно. Современность художественного языка все еще довольно туго дается оперетте. А для Водяного она — его рабочие будни. Поэтому с точки зрения серьезных разговоров о музыкальном театре и с точки зрения праздничных настроений зрителя очень хорошо, что так популярен сейчас именно Михаил Водяной.

А. АСАРКАН.